

Игорь Ильинский: "Праздник Святого Йоргена — это мой грех"

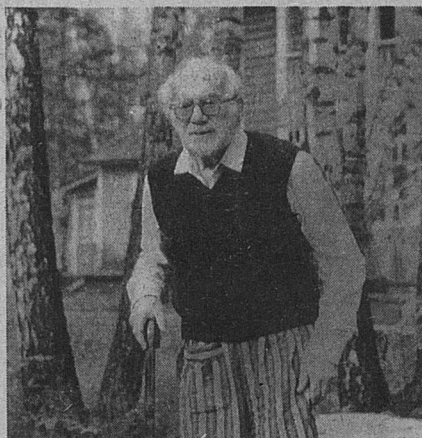
Четыре года не дожил Игорь Владимирович Ильинский до своего 90-летия. Ушел из жизни в образе Фирса из «Вишневого сада», завершив им пеструю галерею персонажей, созданных в кино, театре, на эстраде. Как истинный художник он продолжает жить не только в памяти тех, кто общался с ним, но и в искусстве, которое неподвластно времени. Такова сила подлинного мастерства, которое, говоря словами поэта, «тленья убежит».

Фильмы с его участием — «Закройщик из Торжка», «Процесс о трех миллионах», «Мисс Менд», «Поцелуй Мэри Пикфорд», «Праздник святого Йоргена», «Безумный день», «Волга-Волга», «Карнавальная ночь» — можно смотреть снова и снова. Ну а те, кому посчастливилось увидеть этого удивительного артиста в таких спектаклях, как «Лес», «Ревизор», «Власть тьмы», навсегда сохраняют незабываемое впечатление: каждая роль — настоящий шедевр.

Игорь Владимирович всегда был глубоко верующим человеком. Да, он принял участие в фильме «Чудо святого Йоргена», снятом в 1930 году и предназначенном для развлечения духовенства. И хотя артист сделал все возможное, чтобы превратить этот фильм в развлекательную трюковую комедию, он в глубине души считал, что принял на себя тогда в какой-то мере грех. «Фильм не принес мне душевного удовлетворения», — признался он много лет спустя.

Свою веру Ильинский никогда не афишировал, считал ее делом сугубо личным. Более того, с презрением отзывался о тех, кто выставляет напоказ свою приверженность Богу в виде нательного крестика, нося его поверх платья как бижутерию. Бог для него был в сердце как воплощение доброты, милосердия, совести, нравственности, честности. Но это не значит, что он скрывал свою религиозность, тайлся, как это делали в те годы многие.

В связи с этим вспоминается такой случай. Работая над рукописью книги «Сам о себе», он написал, что однажды в детстве спросил маму: «Есть ли Бог?». Она ответила: «Есть, и он в твоём сердце». Когда же получил из издательства корректуру, то к удивлению своему обнаружил, что место это в рукописи изменено. На его вопрос мама будто бы ответила: «Бога нет!» Возмущенный, он отправился в редакцию и категорически заявил: «Все это — ложь. В таком виде корректуру подписывать в

печать не буду». Почти полгода пролежала рукопись без движения. Согласие на печатание книги Игорь Владимирович дал только после того, как первоначальный текст был полностью восстановлен.

— Они хотели вторично сделать меня соучастником своих неблагоприятных дел, — сказал Игорь Владимирович. — Но мне было достаточно одного урока с фильмом «Чудо святого Йоргена».

Бывая у него дома в Колобовском переулке, я не раз заставал Игоря Владимировича стоящим у окна и задумчиво глядящим на соседнюю церквушку.

В театральных кругах Ильинского считали человеком необщительным и даже прижимистым. Очевидно, потому, что не устраивал по примеру других дружеские посиделки, междособойчики и банкеты по случаю круглых дат, присвоения званий и награждения орденами (а их у него было 13). Игорю Владимировичу претила неискренность и лживое подобострашие, которые нередко отличают подобные вечера.

Но, будучи жестким в профессиональном плане, непримиримым к халтуре и профанации, Ильинский в человеческом общении был исключительно добр и отзывчив. Вот лишь несколько свидетельств на этот счет.

Был у Ильинского друг юности — Сергей Сергеевич Серпинский, с которым они вместе учились в гимназии. Впоследствии родственники Серпинского жили в Англии, и сам он в совершенстве знал английский язык, занимался переводами. Этот веселый, общительный, остроумный человек, естественно, попал в поле зрения недреманного ока энкавэдэшников. Четыре раза на протяжении 20 лет, как только начиналась очередная репрессивная кампания, его сажали, и каждый раз Ильинский не оставлял друга в беде, хотя и очень рисковал при этом, если учесть тогдашние «порядки». Посылал в лагерь посылки с продуктами и теплыми вещами, хлопотал о пересмотре «дела». И в последний путь потом проводил его тоже он.

А вот другая история. От-

дыхая как-то в Кисловодске, Игорь Владимирович познакомился там с Борисом Марковичем Коганом, директором местной выставки графического искусства. В 1951 году Б. М. Когана арестовали, вспомнив, что когда-то он уже сидел как «вредитель». Его жена, Ольга Ивановна, осталась с двумя маленькими детьми без средств к существованию. Все их имущество конфисковали. Наивная, как большинство из нас в ту пору, она отправилась в Москву искать правду и защиту. Откуда ей было знать, что новая волна арестов входила в сценарий «дела врачей».

Своим горем Ольга Ивановна пришла поделиться с Ильинским. Но он не ограничился словами банального утешения, как поступают чаще всего, а, чтобы хоть как-то поддержать в беде несчастную женщину, вручил ей большую по тем временам сумму. «Я верну вам, я верну...», — повторяла потрясенная Ольга Ивановна. «И не вздумайте! — прервал ее Игорь Владимирович, — иначе заберу назад».

Свободу Б. М. Когану принесла только смерть Сталина. В те дни Игорь Владимирович поздравил их семью и подарил свою книгу «Сам о себе», написав на ней: «Дорогим друзьям Ольге Ивановне и Борису Марковичу Коган от автора на добрую память».

Друзья, как известно, познаются в беде, и Ильинский своими поступками всецело оправдывал справедливость этой истины. Когда умер его друг — художник Вася Комарденков (человек талантливый, но неудачной судьбы из-за пристрастия к вину), его жена обратилась к Игорю Владимировичу с просьбой помочь захоронить урну на Новодевичьем кладбище. Верный своим ранним обязательствам, Ильинский тотчас позвонил в Моссовет. «Мне уже много лет, пора подумать о вечности, — сказал он соответствующему чиновнику, ведающему кладбищами. — Я хотел бы знать — удостоите ли вы меня места на Новодевичьем?». — «О чем вы говорите, Игорь Владимирович! — залепетал чиновник. «В таком случае обещаю вам, могу даже дать расписку, что, когда я умру, моя семья не станет претендовать на то, чтобы меня похоронили на этом престижном кладбище. Предназначенное мне место отдайте моему другу Комарденкову».

Вмешательство Ильинского сработало...

Теперь, бывая на могиле Игоря Владимировича, я вспоминаю эти курьезные и трогательные истории. Вспоминаю и слова, которым его научила мать: «Бог — в сердце твоём»...

Илья ОКУНЕВ.